

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/42-62

Научная статья

© О. Б. Наумова

КОШУМЧА — ТРАДИЦИЯ ВЗАИМОПОМОЩИ В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Кошумча — традиционная форма материальной помощи у кыргызов, которую оказывали родственники организаторам торжественных трапез, сопровождавших обряды жизненного цикла. В настоящее время увеличилось число «мероприятий», на которые приносят кошумча, расширился круг дарителей, в качестве кошумча вместо скота, продуктов, предметов одежды обычно приносят определенные суммы денег. Кошумча — форма дарообмена, характерной чертой которого является реципрокность — обязанность возратить дар в том же объеме тому, от кого этот дар получен. Посредством обычая приносить кошумча создаются дарообменные сообщества, внутри которых осуществляется взаимопомощь по поводу устройства тоев. Размеры кошумча, получаемые организатором тоев, компенсируют большую часть его расходов, а иногда и превышают их, и, таким образом, за счет того, что тоеи финансируются всем дарообменным сообществом, их масштабы в несколько раз превышают возможности отдельных домохозяйств. В то же время обязанность приносить кошумча обременяет многие семьи, особенно малообеспеченные. В кыргызском обществе растет число противников этого обычая, указывающих, что он потерял характер взаимопомощи, разоряет неимущих, превратился в способ обогащения организаторов тоев, а через них — всех структур, обслуживающих празднества. Среди критиков кошумча — люди, получившие религиозное мусульманское образование, подчеркивающие несовместимость этого обычая с призывом ислама к бескорыстной помощи. Несмотря на осуждение растущих расходов на тоеи и кошумча, звучащие от властных структур, религиозных и общественных деятелей, отказы от кошумча единичны, и подавляющая часть кыргызского общества соблюдает этот обычай.

Ключевые слова: взаимопомощь, дарообмен, реципрокность, кошумча, расходы на обряды жизненного цикла, современный Кыргызстан

Ссылка при цитировании: Наумова О. Б. Кошумча — традиция взаимопомощи в современном кыргызском обществе // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 42–62.

Наумова Ольга Борисовна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А). Эл. почта: olganaumova@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1915-3862>

* Статья написана в рамках проекта РФФИ № 20–59–22001 «Увеличение расходов, посвященных ритуалам жизненного цикла в обществах Центральной Азии: социальная значимость, экономические последствия (1980–2020)».

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/42-62

Original Article

© Olga Naumova

KOSHUMCHA AS A TRADITION OF MUTUAL ASSISTANCE IN THE MODERN KYRGYZ SOCIETY

Koshumcha is a traditional form of material assistance among the Kyrgyz, which was provided by relatives to the organizers of ceremonial meals that accompany the life cycle rituals. At present, koshumcha is brought to more types of events, the circle of donators has expanded, and guests usually donate money as koshumcha (instead of livestock, food, clothing). The reciprocity, i. e. the obligation to return the gift in the same amount, is the key feature of koshumcha as a form of gift exchange. The custom of bringing koshumcha creates a community of gift exchange that helps its members to organize the toi (feasts). The amount of koshumcha received by the organizer of a toi compensates for most his expenses, sometimes even exceeds them and thus, being financed by the whole community, the scope of the organized toi surpasses the capabilities of an individual household by several times. At the same time, the obligation to bring koshumcha is a burden to many families, especially to those who have low income. The number of those who oppose this custom is growing in the Kyrgyz society. This trend indicates that koshumcha is no more a way of providing mutual assistance, but rather affects and ruins the poor. It has become a source of enrichment for the organizers of the toi and all the structures that serve the feasts. Among those who criticize the koshumcha there are people who have received a religious Muslim education. These people emphasize that this custom is incompatible with the principle of unpaid help which Islam is calling for. Despite the fact that the power structures, as well as religious and public activists, condemn the growing the expenses caused by the toi and the koshumcha, a refusal to give koshumcha is uncommon and the vast majority of the Kyrgyz society continues to observe this custom.

Keywords: *mutual aid, gift exchange, reciprocity, koshumcha, expenses for life cycle rituals, modern Kyrgyzstan*

Author Info: Naumova, Olga B. — Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: olganaumova@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1915-3862>

For citation: Naumova, O. B. 2023. Koshumcha as a Tradition of Mutual Assistance in the Modern Kyrgyz Society. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 42–62.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project number № 20–59–22001.

В Центральноазиатском регионе расходы на проведение обрядов жизненного цикла — свадеб, похорон и поминок, рождения детей и обрезания всегда были очень большими, а сегодня достигли огромных размеров. Призывы ограничить «нерациональные» траты звучали из уст самых разных течений и слоев среднеазиатского общества — теологов, просветителей-джадидов, русской интеллигенции — уже с конца XIX — начала XX в. (Шадманова 2009; Джумаев 2016: 266–267). Советская власть вела планомерную борьбу с «расточительностью» и «пережитками»; обличение непомерных расходов продолжается по сей день. Однако и сегодня жители центральноазиатских государств, несмотря на советы, рекомендации, постановления, указы и законы, продолжают тратить на свои обряды колоссальные средства. Этнографы и антропологи давно обратили внимание на это явление, объясняя «неразумное» финансовое поведение жителей Средней Азии стремлением соответствовать ценностям и нормам сообщества, к которому человек принадлежит. Участие в обряде поддерживает коммуникации между членами такого сообщества, укрепляет социальные взаимоотношения между родственниками, соседями и друзьями, является основой самооценки человека и его положения в обществе, поднимает социальный статус человека, который поэтому не скупится на проведение ритуала (Абашинов 1999: 89–91, 95–96).

Казалось бы со временем, вследствие модернизации и европеизации жизни среднеазиатского населения, разрушения коллективных устоев размах проведения семейных обрядов должен был постепенно сокращаться. Однако этого не происходит — многолюдные празднования обрядов жизненного цикла, к которым прибавились юбилеи, новоселья и прочие «мероприятия» достигли огромных размеров. К примеру, в Кыргызстане, по данным на 2015 г., на тои уходило до одной пятой бюджета страны — десятки миллиардов сомов ежегодно (АКИпресс 2016). Современные среднеазиатские государства — Таджикистан и Узбекистан — пытаются законодательно сдерживать расходы населения на проведение ритуалов путем регламентации числа гостей, количества продуктов на угощение, числа машин в свадебном кортеже и проч. В Кыргызстане первая попытка ограничить траты на торжества, предпринятая на парламентском уровне, относится к 2009 г. Затем подобные законопроекты разрабатывались в 2011, 2016 и 2021 гг., но приняты не были (АКИпресс 2016; Настоящее время 2021). В феврале 2022 г. вышел Указ Президента КР об упорядочении семейных торжеств и поминальных обрядов, который рекомендует проводить среди населения информационно-разъяснительную работу о недопустимости расточительства при проведении церемоний и обрядов (Указ 2022), который в СМИ Кыргызстана называют указом о запрете забивать скот на похоронах.

Проблема состоит в том, что размеры сумм, которые одно домохозяйство тратит на проведение какого-нибудь обряда, многократно превышают его возможности. Так, в Кыргызстане на той семье со средним достатком уходило порядка 1,5 млн сомов, что покрывало потребительские расходы такой семьи за несколько лет (данные 2015 г.; АКИпресс 2016). Такое возможно потому, что той хоть и устраивается одним домохозяйством, но оплачивается «всем миром». Хозяева, проводящие ритуал, имеют от него и доходы, как денежные, так и в виде подарков, которые могут пойти на погашение расходов на той или на погашение кредита¹. По узбекским материалам 1990-х гг. доходы в некоторых случаях могли даже превышать расходы,

¹ См., например, у казахов: Попова, Шадманова 2021: 145.

в среднем же — компенсировали их на 60% (Абашинов 1999: 99–100). В настоящее время приношения гостей тоже значительны. Как метко заметил один из респондентов по поводу ситуации в Казахстане, «истощение кошельков хозяев на подготовку тоев сменяется опустошением карманов гостей». Взаимное кредитование на основе ритуального обмена особенно четко прослеживается в современном Кыргызстане: гости несут на той определенные суммы денег, которые обозначаются словом «кошумча»¹; когда же гости будут устраивать той, то они в свою очередь получают такие же *кошумча*. Возможно, *кошумча* и есть то звено, потянув за которое можно разрушить систему, постоянно воспроизводящую череду затратных тоев. Обсуждая так и не принятые в Кыргызстане законопроекты против расточительства, журналисты АКИпресс подчеркивают именно этот момент: «систему взаимоотношений кыргызов „катыш“², базирующуюся на финансовой взаимоподдержке, похожей на „черную кассу“, так сразу „сломать“ не видится невозможным. Так как эта система работает как банк — устроитель той всегда знает, что на праздник ему принесут конверты, которые он сам кому-то носил. Деньги из конвертов обычно покрывают 50–70% затрат. И если этот финансовый „ашар“ нарушается, в какой-то мере нарушается и система взаимосвязи» (АКИпресс 2016). Таким образом, исследование *кошумча* представляется актуальным как в научном, так и в практическом плане. Этому явлению — его принципам функционирования, масштабам, размерам, социальной роли и ее трансформации — посвящена данная статья.

Источники

Основным источником для статьи послужила серия репортажей, опубликованных на интернет-сайтах новостных агентств Кыргызстана — Turmush, АКИпресс и некоторых других. Журналисты Turmush встречались с жителями городов и айлов Иссык-Кульской, Таласской, Ошской областей Кыргызстана и расспрашивали их о практике *кошумча*, ее размере, доли в расходах семьи, отношении к этому обычаю (Кудалар из Таласа 2022; Пустые конверты 2022). Эти интервью опубликованы с указанием имен респондентов и мест их жительства. Журналисты АКИпресс провели опрос и собрали мнения пользователей Инстаграм по поводу *кошумча*. Собранные высказывания анонимны, но дают хорошее представление о спектре отношений к этому обычаю, сложившихся в кыргызском обществе (АКИпресс 2022).

Использованы также материалы международной некоммерческой организации Интерьюс, работающей в Кыргызстане. На сайте организации были опубликованы результаты проведенного журналистками Айдай Беделбек-кызы и Саадат Тологоновой опроса населения о *кошумча*, к сожалению, без указания мест проведения, числа опрошенных и другой конкретной информации. Однако и в урезанном виде эти данные помогают понять масштабы явления и оценить количественное соотношение противников и сторонников *кошумча* (Internews 2020).

Сведения, полученные из интернет-источников, были проверены и скорректированы в ходе бесед, проведенных автором с кыргызами-мигрантами, приехавшими

¹ В кыргызском языке нет грамматического рода существительного, поэтому в статье слово *кошумча* не склоняется. Из-за сходства слова с русскими словами жен. рода с окончанием на -а глагол ставится с женским окончанием.

² *Кир., каз.* (катыс) — участие, отношение, причастность; взаимоотношение, общение связь.

на заработки в Москву из Бишкека, Оша, Джалал-Абадской области (ПИМА). Все они регулярно (один-два раза в год) бывают на родине; регулярно посещают тои как в Кыргызстане, так и в Москве, где подобные торжества устраиваются их соотечественниками. Эти интервью дают разброс мнений о *кошумча* и дополняют аргументацию защитников и противников этого обычая.

***Кошумча* как форма традиционной взаимопомощи и дарообмена**

Традиция взаимопомощи в Центральноазиатском регионе обнаруживает себя во многих формах жизнедеятельности традиционного общества, в частности хозяйственной и соционормативной сферах. Виды хозяйственной деятельности, требовавшие больших трудозатрат, превышавших возможности семьи, выполнялись широким коллективом родственников и соседей (*каз.* асар; *кирг.* ашар; *узб., тадж.* хашар). Асар/ашар/хашар организовывали для строительства дома, валяния кошем, заготовки молочных продуктов, приготовления угощения для многолюдных трапез и т. п., для всех видов полевых работ (пахота, очистка хлевов и вывоз удобрений на поля, уборка урожая), расчистки арыков и даже (у казахов) для барымты — угона скота, узаконенного обычным правом (*Абрамзон* 1971: 194; *Гродеков* 2011: 106–107; *Турсунова* 2014: 206–207). Эта же традиция взаимопомощи проявляется в уплате штрафа или выплате хуна (*каз.* құн — выкуп за убийство или членовредительство) — раскладе этой выплаты на круг родни виновного (*Абрамзон* 1971: 195; *Гродеков* 2011: 196–197).

Та же взаимопомощь существовала и в обрядовой сфере — родственники помогали собрать калым для женитьбы, несли приношения на свадебный той, поминки и другие обрядовые пиршества. В киргизском языке существует отдельный термин для такой помощи — *кошумча*. Основное значение этого слова — «добавочный, прибавочный, дополнительный; побочный; добавка; добавление». В словаре К. К. Юдахина, помимо этого, отмечено употребление его как этнографического понятия: «этно. помощь жениху при уплате им калыма или устройителю пира в его расходах; этно. подарки, как часть калыма (*от родителей жениха в первое его посещение родителей невесты; последние в свою очередь отдаривали родителей жениха, получая для этого помощь от своих родственников*)» (*Юдахин* 1965: 412). У казахов слово *қосымша* сохранило основное значение чего-то дополняющего, прибавочного, но не используется в качестве специального термина для обозначения помощи в обрядовых действиях.

Большое значение приобретала *кошумча* для проводившихся после смерти человека череды поминок, требовавших больших расходов. Приезжавшие соседи и родственники привозили с собой скот, мясо, поминальную еду, лепешки и бурсаки/ боорсоки, кумыс (*Фиельструп* 2002: 101; *Кыргызы* 2016: 349). Особенно затратными были большие поминки по уважаемому человеку (*каз.* ас; *кирг.* аш), которые проводили обычно через год после похорон или позже. На такие асы собирали тысячи людей, ставили сотни юрт, для угощения резали десятки голов крупного скота, сотни баранов. «Все это собиралось в порядке *кошумчи* — помощь от односельчан и родственников устраивавшему *аш*», — пишет современный исследователь (*Орозбекова* 2012: 200). Организацию одного из таких асов у казахов Старшего жуза в середине 1920-х гг. описал Ф. А. Фиельструп: семья умершего

пригласила на совещание аксакалов рода *андас*, зарезали кобылу для угощения. «Собравшиеся аксакалы ели и начинали обсуждение. Решили, кого из их области пригласить на ас. Если по их плану не хватало средств у семьи покойного, то решали дать помощь, и каждый из аксакалов брал на себя обязанность достать дополнительный скот и поставить известное число кибиток» (Фильструп 2002: 141). Отмечу важный момент — помощь оказывается родом, к которому принадлежал покойный, причем аксакалы являются представителями более мелких родовых подразделений разной степени близости к родовому подразделению умершего, и размер расходов соответствует степени этой близости, а также экономическому состоянию родового подразделения. Об этом говорит и Г. Загряжский: «Каждый родственник или приятель в течение года обязан посетить юрту умершего для прочтения *баты* (молитвы, благословения. — О. Н.), и, главное, он должен привезти с собой подарок, *сообразный с достоинством своим и отношением к умершему* (выделено мной. — О. Н.). Все это собирается отдельно и должно быть употреблено на предстоящий аш. Не приехать, значит нанести кровную обиду, и никто из родных покойного никогда не будет в юрте нарушившего этот обычай» (Загряжский 1873). Такая же практика сохранялась и в послевоенное время: старики определяли размер взноса каждой семейно-родственной группы (ата-улы), входившей в состав рода, а внутри группы определялась сумма взноса для каждой семьи, «чтобы расходы на похороны и поминки были совместными» (Басилов, Кармышева 1997: 88).

У кыргызов материальная помощь *кошумча* оказывалась в рамках родового подразделения «бир атанын балдары» (*кирг.* дети одного отца), состоявшей из индивидуальных малых и больших семей. О размере такой группы, связанной обязательствами трудовой и материальной взаимопомощи, можно судить по конкретному примеру: в 1954 г. в с. Бас-Бельдек в расходах на аш старика-аксакала участвовали более 40 семей родового подразделения *айта* (Абрамзон 1971: 195–196).

Распределение размера приношения согласно степени родства существовало и во всех других случаях подобной помощи — для тоя по случаю совершения обрезания, сбора средств на выплату хуна и, несомненно, для сбора калыма и свадебного тоя. Родственники приносили свои дары на свадебный той (или раньше) в соответствии со своим социальным статусом и близостью отношений с родителями, бабушками и дедушками молодоженов (Абашинов 2015: 584). В связи с этим вырисовывается важная функция *кошумча* — каждый раз при дарении происходило подтверждение родственных связей и иерархии родственных кругов, а также социального и имущественного статуса дарящего.

Еще одной характеристикой традиционной взаимопомощи (и *кошумча* как одного из ее видов) была реципрокность — сущностная черта дарообмена¹. Это не была альтруистическая, безвозмездная помощь, как это можно представить на основании некоторых научно-популярных публикаций. Напротив, хашар некоторые исследователи называют «взаимообменом трудом», (Андреев 1926: 14). Действительно, «лицо, организовавшее хашар в своем хозяйстве, было обязано по первому призыву любого участника коллективной трудовой помощи явиться на его поле деятельности и отработать трудовой долг» (Турсунова 2014: 207). Этот же принцип действовал во взаимопомощи при организации ритуалов и торжественных трапез. Фактически

¹ О реципрокности см.: (Салинз 1999; Барсукова 2004; Юдин и др. 2020).

кошумча это форма классического дарообмена¹, включающая, по М. Моссу (*Мосс* 2011: 35, 203), обязанности: дарить — принимать дар — возмещать дар. Обмен дарами был широко развит у народов Центральной Азии: если семья пекла лепешки или баурсаки, всегда угощали соседей, родственников, которые в свою очередь делали то же; при ежегодном убое скота на зиму раздавали мясо и ждали того же от соседей; на праздники угощали друг друга ритуальной пищей (*Турсунова* 2014: 207)². От получившего дар ожидался ответный дар, адекватный полученному. Вот что писала О. А. Сухарева о кварталах Бухары, и такие же взаимоотношения были характерны и для семейно-родственных (родовых) групп киргизов, казахов и других народов региона: «Пируя у соседей, получая от них знаки внимания, а нередко и традиционные подарки, все жившие в квартале семьи оказывались связанными взаимной задолженностью. В каждой семье велся точный учет: кто у кого угощался и что было принесено в подарок, а следовательно, кому и чем должна семья отплатить» (*Сухарева* 1976: 30).

Таким образом, можно констатировать важные характеристики традиционного функционирования *кошумча*. Она была не безвозмездной, получивший ее должен был принести такой же по размеру (или чуть больше) дар тем, от кого он получил приношения. Помощь в виде приношений для совершения обрядов и пиршеств оказывалась определенным кругом лиц — семьями в составе родственных и соседских групп (у кочевников родового подразделения низшего таксономического уровня) в размере, который зависел от степени их близости к устроителям мероприятий.

Кошумча сегодня

Кошумча остается полноценно функционирующим явлением в современном кыргызском обществе. По данным кыргызстанских журналисток А. Беделбек-кызы и С. Тологоновой, поведивших опрос среди населения, 98% их респондентов продолжали давать *кошумча* (*Internews* 2020). Это подтверждается и словами всех моих московских собеседников: «Такого человека нет, по-моему, кто кошумча не дает. ... Только дети могут не дать. А так — такого просто не может быть» (А.) (ПМА). Масштаб этого явления, его связь с непомерными расходами на проведение обрядов и ритуальных торжественных трапез сделали *кошумча* предметом острых дискуссий в СМИ и в обществе в целом, а также вопросом обсуждения во властных структурах.

Сегодня *кошумча* почти повсеместно дается в денежной форме, в отличие от традиционных даров скотом и продуктами. В некоторых регионах, например в Ошской области, и особенно в сельской местности, наряду с денежной, еще сохраняется «натуральная» форма *кошумча* — идя на торжественную трапезу, женщины несут корзины со сладостями и фруктами, напитками (*себет*), а также подарок одеждой (*кийит*); но мужчины дают деньги. Самые близкие родственники могут в складчину в качестве *кошумча* на свадьбу купить предметы мебели или бытовой техники (Б.). По сообщению московской респондентки, каждый дарит, что хочет: можно и золотые украшения, и посуду, и что-то для дома (А.) (ПМА). Но все согласны, что в по-

¹ Проблемы дарообмена в традиционных обществах были исследованы в известных трудах М. Мосса, Б. Малиновского, К. Леви-Строса, М. Салинза, М. Годелье. В последние десятилетия изучаются дарообменные отношения в современных обществах, их роль в создании сетевых структур. Обзор литературы см. (*Реутова, Реутов, Шавырина* 2017).

² О многочисленных поводах для дарения и дарообмена у казахов см.: (*Сураганова* 2009).

давляющем числе случаев *кошумча* — это деньги¹. Как правило, это — определенная сумма в конверте, который отдают гости устройтелю «мероприятия».

Список «мероприятий», по сравнению с традиционным, расширился: теперь, помимо свадебных торжеств, тоев по случаю обрезания, поминальных трапез, *кошумча* несут на той, устраиваемые и по другим случаям: на все семейные торжества, дни рождения, юбилеи, новоселья и проч. Той и *кошумча* находятся в крепкой связке. Приходить на той без *кошумча* считается стыдным. По словам одного из пользователей Инстаграм: «Если есть кошумча, то смело иди на той. Если нет, то сиди дома» (АКИpress 2022).

В определенных случаях *кошумча* обязательна независимо от присутствия на тое. Родственники обязаны посетить похороны или поминки, и если по каким-то обстоятельствам они не могут этого сделать, то должны передать семье умершего *кошумча*. Об этом писал еще Г. Загряжский: «Если что-либо действительно помешает исполнить этот обычай (посетить аш. — О. Н.) лично, напр. болезнь, отдаленность кочевья или что-либо подобное, то можно послать доверенное лицо с письмом; этот посыльный исполнит бату и передаст подарки» (Загряжский 1873). Сегодня власти Кыргызстана стремятся «предотвратить расточительство» при проведении обрядов, в частности обсуждается предложение о запрете (или сильном ограничении) забивать скот на похоронах и поминках. Эта инициатива не встречает понимания у большинства населения, особенно в сельской местности (Старейшины Чуйского района 2022): в таком случае нельзя будет организовать поминальную тризну, что позором ляжет уже на родственников умершего — его не проводят в мир иной с соблюдением традиций. Однако *кошумча* и в этом случае родственники будут передавать: «если скот не будут забивать, не будет „жит чыгаруу“ (накрытие поминального стола), то жители просто не будут приезжать, свое „кошумча“ будут передавать через кого-нибудь и все» (Правила проведения похорон 2022). По словам моих московских собеседников, это касается любого тоя. В Москве если человек не имеет возможности (или не хочет) прийти на той, он может перевести деньги через Сбербанк, а при встрече объяснить, почему не пришел. Если же кыргызы-мигранты не могут приехать из Москвы на какое-то «мероприятие» в Кыргызстан, то переводят деньги через любую платежную систему.

Если говорить об основных принципах, на которых стоит современная *кошумча*, то они продолжают действовать, хотя и в трансформированном виде.

Реципрокность. Современная *кошумча* по-прежнему рассматривается как дарообмен, существенной чертой которого является реципрокность — «как заем, который записывается хозяином тоя в отдельном блокноте с именем и суммой. В будущем он будет возвращать ту же сумму на другом мероприятии» (Internews 2020). Учет отдан-

¹ Все дары и обрядовые выплаты и приношения в городах, в отличие от сельской местности, как правило, приобретают денежную форму. При столкновении сельской и городской культур могут, конечно, возникать курьезные ситуации, когда, к примеру, сваты из аила приезжают праздновать свадьбу в город. Так, Жанат Туратбеков, который более 10 лет ведет свадебные торжества в областном центре, городе Каракол, рассказывал о своем удивлении, когда впервые столкнулся с традиционным калымом «девяткой», который привезли на проводимую им свадьбу сваты из Таласской области: он включал верблюда с верблюжонком, лошадь с жеребенком, корову с теленком, овцу с ягненком, козу с козленком, курицу с цыпленком, гуся с гусенком, куропатку с птенцами. (Кудалар из Таласа 2022).

ного и полученного обязательен в современной практике *кошумча*: «Сколько принесли тебе, столько и ты относишь»; «Относишь такую же сумму, которую они приносили на торжества ваших детей» (Сабира Джоробаева, Кара-Суу; Майрамкан Абдувалиева, Ноокатский р-н, Ошская обл. Пустые конверты 2022). По мнению наших респондентов, «надо обязательно знать, кто сколько дал. В конверт, который отдаешь, пишешь свое имя, и человек открывает и знает, кто сколько принес. Те, кто устраивают свадьбу, в тетрадь записывают, кто сколько принес, чтобы в следующий раз, когда я, например, устрою праздник, они столько же давали. У нас как? — сколько даешь, тебе столько дают» (А.). Ж. вспомнил, что видел в детстве, как его бабушка записывала кто что и кому привозит, но тогда не понимал, зачем она это делает (ПМА).

В современных условиях традиционная реципрокность дарообмена в некоторых случаях трансформируется в отношения другого рода. Некоторые замечают заложенную в *кошумча* возможность неформального кредитования и дезавуируют ее «кредитную» сущность, прямо называя долгом, который дающий требует отдать: «Некоторые по-настоящему требуют. Говорят: „Я тебе приносил 2000 сомов, почему ты дал 1500?!“». Об отношении к *кошумча* как к денежному долгу говорит и то, что не имеющие денег иногда приносят на той пустые конверты с запиской: «Отдам, когда будут деньги» (Тынчтыкбек Жумабаев, с. Куршаб Узгенского р-на Ошской обл. Пустые конверты 2022), или договариваются с устройтеlem, что принесут *кошумча* позже (А.) (ПМА).

Дарообменные сообщества. Если раньше *кошумча* получали от родственников и соседей, составлявших сеть связанных между собой обязательствами дарообмена, то круг общения современных людей значительно расширился. Люди, знакомые с практикой *кошумча*, выделяют следующие группы дарителей:

«Размер „кошумча“ зависит от отношений. Есть отношения с родственниками, с соседями, с коллегами, одноклассниками, подругами... Сейчас мы сделали так, чтобы была одна сумма [для каждого члена группы]. К примеру, самый низкий размер „кошумча“ среди подруг — 1000 сомов, играем в „черную кассу“. Такую же сумму несем на дни рождения. Самая крупная сумма „кошумча“ — среди родственников, по 10 000 сомов. Соседи и бывшие одноклассники — собираем по 3000 сомов» (Саадат Калыкова, Ак-Суйский р-н. Кудалар из Таласа 2022).

«Родственники, дяди, тети, друзья образуются в группы и вместе поздравляют. Получается, что каждый коллектив вручает по 100 000 сомов, по 1000 долларов и т. д.» (Жанат Туратбеков, г. Каракол. Кудалар из Таласа 2022).

Из этих интервью видно, что современные круги дарителей *кошумча*, помимо традиционных родственников и соседей, включают еще и «коллективы» — группы коллег, одноклассников, друзей. Причем есть тенденция очерчивать эти круги общей для всех суммой взноса и общим поздравлением и преподнесением дара. По сведениям моих респондентов, среди коллег и друзей действительно есть практика собирать некую общую сумму в качестве *кошумча*. Так, наша респондентка А. вместе с друзьями собирала по 500 руб. для одноклассницы, у которой умерла мама. Собранные деньги положили в конверт, написали свои имена и передали в Бишкек;

тамошние одноклассники добавили свою долю и пошли на похороны, где прочитали молитвы и отдали конверт подруге. Что касается родственников, то, к примеру на свадьбу, лишь самые близкие к отцу или матери молодоженов могут сложиться и купить что-то дорогостоящее — мебельную стенку, кухню, холодильник и т. п. Все же обычно родственники не согласуют между собой сумму *кошумча*, каждый сам решает, сколько принести в зависимости от своих возможностей, близости к устройтелю тоя, а главное — от того, сколько он получил от него в прошлый раз.

Можно построить условную модель сообщества, объединенного отношениями по поводу *кошумча*: все эти «коллективы» вместе с семьей устройства тоя и его родственниками составляют некую общность, большой круг, в котором устанавливаются свои правила проведения «мероприятий», в том числе размеры *кошумча* для малых кругов. Каждое последующее «мероприятие» подтверждает солидарность сообщества, демонстрирует взаимное соотношение составляющих его групп, иерархию по отношению к семье устройств тоя. Понятно, что это лишь идеальная схема дарообменных сообществ, а в реальной жизни все гораздо текучей и неопределенней; на свадебном тое объединяются два сообщества — родни жениха и родни невесты, на других «мероприятиях» состав участников может сильно варьироваться. Сообщества не имеют четких границ, они перетекают одно в другое, формируя горизонтальную социальную сеть на основе дарообменных отношений. Круги же очерчиваются в зависимости от того, какой человек или семья стоит в его центре, и круги близких родственников будут более-менее совпадать.

Эти сообщества, или круги общения, как большой, так и малые, имеют важное значение в современной жизни кыргызов. Каждый человек является членом разных кругов — он и чей-то родственник разной степени родства, и сосед, и друг, и одноклассник, и коллега. На вопрос «зачем давать *кошумча*?», один из пользователей Инстаграма ответил: «Чтобы не было стыдно; если не дадим — останемся без своего круга» (Уят болбойбу апеей, бербей койсок элден чыгып калабыз да). Переведший фразу автор публикации в интернете прокомментировал: «за границами своего круга, тусовки, буквальный перевод „народ“, но скорее „свой круг“, „свой“ — не потерять свой круг» (АКИpress 2022). Теми же словами (элден чыгып кетесиң) выразила эту идею жительница Ноокатского р-на Ошской области Майрамкан Абдувалиева: отказ от *кошумча* «стеснит (т. е. вытеснит. — О. Н.) их из общества» (Пустые конверты 2022). Лишиться же своего круга — т. е. оказаться в социальной изоляции — очень болезненно в обществе с коллективистскими началами. Ключевым для понимания поведения людей в таком обществе является значимость общественного мнения: боязнь осуждения соседей и родственников, людей «своего круга» (Ларина 2022; Наумова 2019: 373–374). «Поэтому вынуждены принимать и соблюдать обычаи, которые нам самим не нравятся, чтобы не выделяться из толпы» (Пустые конверты 2022). Другой пользователь Инстаграма эмоционально написал: «[*Кошумча* — это] долг, и не дай Бог, если дашь меньше, чем давали тебе или вообще не придешь — все, конец...» (АКИpress 2022).

Мои московские респонденты корректируют такие категоричные высказывания: «Из-за того, что один раз не пошел на свадьбу, из круга не выходишь» (А.). По мнению А., теоретически можно прийти и без *кошумча*, ведь на свадьбе бывает так много людей, «даже не знаешь, кто пришел, кто не пришел», однако сама она не может представить, чтобы кто-то не принес *кошумча*. Б. рассуждает: «Выкинуть <из

круга> никто не может. Это как бы так: ты ничего не принес, и те люди к тебе приходят и ничего не приносят. Т. е., когда ты будешь делать свадьбу сыну или дочке, они не будут тебе помогать. Так люди размышляют, поэтому и приносят кошумча» (ПМА). Таким образом, представить себе последствия того, что человек пришел на той без *кошумча*, мои респонденты могут лишь умозрительно, так как никогда с таким не сталкивались.

Размеры кошумча. Институцией, подтверждающей и закрепляющей существование дарообменных сообществ *кошумча* сегодня являются тоя. Именно поэтому большинство опрошенных журналистками А. Беделбек-кызы и С. Тологоновой, «несмотря на нежелание и ограниченные финансовые возможности, не пропускают тоя и могут отдать последние деньги семьи из-за необходимости *кошумча*» (Internews 2020). Один из пользователей Инстаграм назвал *кошумча* «пропускным билетом на тоя». Сколько же стоит сегодня такой билет?

Как было показано выше размер *кошумча* зависит от того, к какой группе принадлежит даритель, в какой степени близости к устроителю тоя стоит эта группа. Разброс стоимости в зависимости от места проведения тоя — город или аил, регион Кыргызстана — довольно большой. Еще в большей степени размер *кошумча* коррелирует с социально-имущественным положением организатора тоя и его большого круга общения, для которого он устраивает «мероприятие». Так, как мы видели выше, в одном из кругов общения в Ак-Суйском р-не Иссыккульской области родственники приносят по 10 тыс. сомов, а житель Джети-Огузского р-на той же области рассказал, что в их селе представители рода собирают на похороны по 200 сомов (Кудалар из Таласа 2022). В Ошской области на той близкому родственнику скидываются по 5–50 тыс. сомов (Пустые конверты 2022). По информации от разных собеседников, одноклассники и соседи собирают (по всей видимости, на свадьбу) по 3000 сомов (сельская местность), однокурсники по 5000 сомов (город) (Кудалар из Таласа 2022). О таком же размере *кошумча* говорили и московские кыргызы: на свадьбу «минимальная ставка» — 5 тыс. сомов в Бишкеке, 5 тыс. рублей в Москве; родственники дают по возможности больше (А). На тоях московских кыргызов *кошумча* обычно больше («Здесь большой город, люди все при деньгах»), хотя сам той обходится дешевле (Б.) (ПМА)¹.

Все отмечают рост стоимости *кошумча* в связи с ростом цен. Профессиональное мнение по этому вопросу высказала работница кафе г. Каракол: размер *кошумча* не должен быть меньше стоимости обслуживания одного клиента кафе или ресторана. По ее оценке, если раньше на обслуживание одного человека уходило до 350 сомов, то теперь 1000 сомов. Поэтому если раньше *кошумча* составляла 1000 (минимальный размер), то теперь — 3000 сомов (Кудалар из Таласа 2022). Таким образом, желательно, чтобы приносимая сумма не меньше чем в три раза превышала бы стоимость угощения.

По данным блиц-опроса, который провел корреспондент новостного агентства Turmush среди жителей Каракола, расходы на *кошумча* «в зависимости от отноше-

¹ Отмечу, что обрядовая жизнь кыргызов-мигрантов в Москве воспроизводится ими по нормам Кыргызстана с очевидными поправками на новое окружение. И *кошумча* на московских тоях так же обязательна, как и в Кыргызстане, что опровергает некоторые мнения, что в Россию «уезжают кыргызы подальше, от этих тоев, похорон и поминок» (АКИpress 2016).

ний варьируются от 5 тыс. сомов и до 50 тыс. сомов». Это соответствует общекрыгызстанской статистике: по подсчетам журналистов Интерньюс, в среднем *кошумча* составляет 62% от среднемесячного прожиточного минимума (Internews 2020), который в конце 2021 г. был около 6400 сомов.

В целом, *кошумча* занимает приличное место в семейном бюджете. Эта статья расходов напрямую зависит от числа посещенных тоев. Особенно много тоев проводится осенью, которая считается сезоном свадеб. В Ошской области, к примеру, жители тратят в это время на *кошумча* по 100–200 тыс. сомов. Одна из собеседниц журналистов новостного агентства Turmush рассказала, что в этот сезон бывает иногда и по два тоя в день; ее семья несет на той от 3 до 15 тыс. сомов и за сезон уходит 150 тыс. (Пустые конверты 2022). Житель г. Каракол оценил свои годовые расходы на *кошумча* в 120 тыс. сомов. По словам другой жительницы Иссыккульской области, в месяц у семьи уходит на *кошумча* 20 тыс. сомов: вся ее зарплата идет на эту статью расходов, а живут на зарплату мужа (Кудалар из Таласа 2022). Такие же цифры назвал мигрант из Москвы Б.: осенью в месяц у него может уйти от 10 до 20 тыс. руб. в зависимости от того, насколько близкий родственник устраивает «мероприятие». Мой другой московский собеседник Ж. тратит на *кошумча* в сезон тоев до половины годового заработка. Ярый противник *кошумча*, он считает, что если бы *кошумча* «отменили», то и не было бы необходимости в трудовой миграции из Кыргызстана.

Если горожане тратят на *кошумча* свои зарплаты и другие денежные доходы, то в сельской местности, в животноводческих районах, чтобы иметь деньги на *кошумча*, продают скот. Те, кто не имеет больших доходов, берут кредиты, одалживают деньги у знакомых и родственников. Многие сельчане тратят на *кошумча* деньги своих детей-мигрантов, работающих в России или детей, имеющих хорошую работу в Кыргызстане (Пустые конверты 2022).

Отношение кыргызского общества к *кошумча*

Чтобы понять отношение к *кошумча* в современном кыргызском обществе, надо осознавать, что сегодня оно не представляет собой единства в социокультурном и ментальном плане. Оно состоит по крайней мере из двух больших страт: сельского населения и горожан, разрыв между которыми в образе жизни и ценностных ориентациях довольно существенен. Длительный период существования Кыргызстана в составе Советского Союза способствовал приобщению разных слоев общества к европейской культуре в ее советском варианте. Социальные трансформации в меньшей степени затронули жителей айлов, сохраняющих общинные связи; горожане в большей степени утратили коллективистские начала общественной жизни, меньше зависимы от общественного мнения, более свободны в своих суждениях и действиях. Но и среди тех и других есть множество групп или сообществ, представляющих собой самые разные сочетания традиционности и модерности (Наумова 2019: 372). Поэтому совершенно естественно, что по отношению к такому неоднозначному явлению, как *кошумча*, бытуют самые разные суждения, и аргументация их авторов может многое сказать о круге общения, к которому они принадлежат. Журналисты, собравшие высказывания пользователей Инстаграм по этому вопросу, фиксируют разброс мнений: «Кто-то считает это правильным, так как нужно поддержать, „не идти с пустыми руками“ и дарить деньгами лучше, чем покупать

подарок. А кому-то это в тягость или не по карману. У некоторых „кошумча“ может достигать половину зарплаты, но они не могут отказаться от таких мероприятий родственников или друзей, так как „уют болот“¹ или боятся, что потеряют с ними связь, либо считают это обязательным» (АКИpress 2022).

Защитники *кошумча* апеллируют к традиционным ценностям кыргызского общества. Соблюдение традиций, в частности проведение тоев, воспринимается как долг, и человек, если исполняет этот долг, чувствует уважение своей референтной группы и обретает самоуважение. Аргументы такого рода типичны для сторонников *кошумча*. Как сказал один из высокопоставленных чиновников Кыргызстана, любой кыргыз ходит на той, и в свою очередь покрывает свой той за счет денежных подарков приглашенных, «там демонстрируют наши традиции. Мы не должны стесняться этого» (Diesel Forum 2018). Его поддерживают и простые граждане: «Кошумча есть только у кыргызов. Это не какой-нибудь устарелый обычай. Это показатель насколько тебя уважают и ценят твои родственники, друзья, т. д.» (АКИpress 2022). Взгляд на *кошумча* как на «подтверждение взаимного уважения и взаимных обязанностей» характерен для традиционного восприятия дарообмена (см., например: *Абаши* 2015: 585).

Многие считают, что *кошумча* — это реальная материальная помощь тому, кто проводит свадьбу или похороны, или любое другое «мероприятие», и в этом ее положительное значение. По словам жителя села Саруу Джети-Огузского района Максатбека Жыргалова, собранная *кошумча* может составить достаточно большую сумму, чтобы хватило не только «на покрытие расходов, связанных с проведением свадебного торжества, но и покупку новых вещей для дома. Аналогичная ситуация и с похоронами. (...) На собранные средства можно приобрести крупный рогатый скот. (...) На мой взгляд, это хорошая поддержка для семьи, в которой произошло горе» (Кудалар из Таласа 2022). Ему вторит пользователь Инстаграм: «Без этого нельзя. Это не долг или подарок, я считаю поддержкой, поддержать материально» (АКИpress 2022). Моя московская собеседница А. привела конкретные цифры помощи от *кошумча* в расходах на свадьбу. От первого этапа ее свадьбы (*кыз узатуу*)² в Москве (2014 г.) у ее матери, проводившей этот той), после оплаты всех расходов осталось еще 40 тыс. руб. Второй свадебный той организовывала мать жениха; за счет *кошумча* удалось покрыть около 70% расходов.

Довольно логично для современных людей сравнение *кошумча* с кредитами, которые многие берут на проведение важных семейных тоев. И в этом сравнении для защитников традиции побеждает *кошумча*: «Кошумча, это не в тягость, в тягость это кредиты! Кошумча оно отдается копейками, но когда черед приходит, они возвращаются в огромной сумме, это лучше, чем брать кредиты, мы в январе провожали замуж племянницу, большую часть расходов покрыла кошумча, а так возможно пришлось бы брать кредиты» (АКИpress 2022). Очевидно, что в защитниках *кошумча* в первую очередь находятся те, кто на собственном опыте ощутил материальную помощь от принесенных на той даров. (При этом, конечно, не берется во внимание, что малообеспеченные иногда вынуждены брать микрокредиты на саму *кошумча*).

Указывающие на финансовую выгоду *кошумча* видят в ней инвестицию, которая в будущем возвратится дающему, т. е. в современных терминах подчеркивают

¹ *Кир.* это позор.

² *Кир.* букв. «проводить девушку» — той в доме родителей невесты.

ее традиционную реципрокность: «Это инвестиция по-кыргызски. Это лучше чем прогореть с банком» (АКИpress 2022).

Противники *кошумча* считают ее неприемлемой из-за непомерных и нерациональных трат. Некоторые отмечают, что люди перестали радоваться приглашению на той: «Ведь сразу приходит мысль о том, сколько нужно относить и где достать сумму» (Пустые конверты 2022). В Инстаграме пользователи комментируют этот аспект проблемы: «Надо искоренить эту традицию, из-за кошумча иногда даже не остается денег даже на еду»; «Не часть, а вся зарплата уходит»; «Если бы этот кошумча на депозиты вносили, то детям хватило бы этих вкладов, когда будут дома покупать» (АКИpress 2022).

Мой московский респондент Ж. обращает внимание на связь *кошумча* с огромными расходами на той, в которых заинтересованы рестораны, кафе и тойхана. Проводить той дома гораздо дешевле, и *кошумча*, считает он, была бы меньше или вообще исчезла. Однако, несмотря на его возражения даже его собственная свадьба по настоянию родителей была проведена в ресторане. Очень эмоционально выражают свое отношение по этому поводу пользователи Инстаграм: «Просто раздутые не померные Той и праздники! Поэтому рестораны, салоны красоты в ряд стоят!!! Как будто у нас не страна а сплошной тойстан! (...) Где народ типа нищий берет столько денег? (орфография сохранена. — О. Н.)» (ПМА). При этом для противников *кошумча* характерна идеализация традиционного той и традиционной взаимопомощи, которую они представляют безвозмездной и бескорыстной: «Той раньше делали те, кто хотел накормить народ, поделиться радостью просто так, без обязательств» (АКИpress 2022). Характерно, что они хотят убедить оппонентов ссылкой на традицию, т. е. понимают, что защищают *кошумча* приверженцы традиционных норм.

Другие оппоненты *кошумча* пытаются рационально объяснить ее «несправедливость»: «у кого-то один ребенок — одна свадьба, один брат — один юбилей, а у друга например, семеро детей и десять братьев. Я за свои той получаю 200 долларов, а отнесу одну тысячу семьсот долларов. Конечно же невыгодно» (АКИpress 2022). Московская собеседница-кыргызка (А.) прокомментировала этот аргумент против *кошумча* так: «Этот человек получит от друга *кошумча* уже за своих внуков, „это на будущее. У нас называется: берсең — аласың, т. е. если дашь, возьмешь¹» (ПМА). В этом случае неопределенность по времени возвратного дара — характерная черта традиционного дарообмена: чтобы ответный дар не воспринимался как плата, нельзя сразу же отвечать даром на дар. Эта особенность не понятна современному сознанию, стремящемуся к определенности и четкости, тем более в денежных отношениях.

По мнению людей, осуждающих *кошумча*, ее традиционная сущность взаимопомощи выхолащивается; традиционную реципрокность они представляют как корыстное стремление нажиться на родственниках и знакомых:

«Совершенно ненужная трата и ненужная помпезность всех этих тоев, шерине², день рожденья, кыз узатуу, кыз алуу³, какие-то корзины тушитондуруу⁴ по-

¹ То же у казахов: формула дарообменных отношений «алыс– беріс» (взять–дать) (Сураганова, 2009: 178).

² *Кир.* вид мясного угощения. В традиционном киргизском обществе так называлась компания друзей, в которой каждый участник по очереди устраивал угощения.

³ *Кир. букв.* «получить девушку» — той в доме родителей жениха.

⁴ От *кирг.* түштөн — угощаться днем; *здесь* угощение.

напридумывали и все это в основном проводится еще и в кредит!!! Родственные связи должны быть бесплатными и безусловными!!! Отношения и семья должна быть крепкой с самого 0, а не в зависимости от роскоши ресторана или кошумча пакета... Я ПРОТИВ КОШУМЧА!»;

«Последнее время начали звать только денежных друзей и родственников, все по расчету, даже вперед знают, сколько останется¹, надо это остановить, но как я не знаю!» (АКИpress 2022).

Таким образом, судя по этим высказываниям, противники *кошумча* не признают за современной формой этого обычая социального значения традиционной реципрокности, которая была призвана не только создавать горизонтальные социальные сети, но и обеспечивать внутрисетевую взаимопомощь. (Отмечу в защиту *кошумча*, что умение считать, расчетливость не являются характеристиками исключительно современного человека и современных взаимоотношений, как это представляют ее противники. Кроме того, реципрокность ни раньше, ни теперь не исключает искреннего желания оказать помощь или доставить радость своим подарком). Однако противники *кошумча* считают, что в своем современном виде она не только не сплачивает родных, но и разъединяет их, выбрасывает малоимущих из родственного круга. Искренние добрые, бескорыстные отношения между людьми — как родными, так и знакомыми, коллегами, соседями и проч. — подменяются, по их мнению, мелочными расчетами и личной выгодой. Очевидно, что такие суждения не беспочвенны: они имеют основания как в трансформации самой *кошумча*, так и в изменении ценностных установок современных людей.

В целом, по данным журналистов, *кошумча* поддерживают меньше половины опрошенных, треть была против и четверть воздержалась. Однако практически все продолжали соблюдать этот обычай (Internews 2020).

Трансформация традиции

Изложенное выше описание современного функционирования *кошумча* позволяет говорить о сохранении некоторых ее традиционных функций: взаимопомощи, подтверждения социального статуса дарящего и его семьи, поддержания социальных взаимосвязей в дарообменном сообществе. Однако можно увидеть и намечающиеся трансформации, которые начинает претерпевать эта форма дарообмена. Одно из направлений эволюции — появление в *кошумча* элементов кредитно-денежных отношений. Имеющие место категоричные требования эквивалентного возврата *кошумча* искажают сущность традиционной реципрокности дарообмена — понимание возврата дара как морального долга и идею пролонгированной возвратности дара, заменяя их жесткими условиями сделки, которые, правда, не проговариваются, но подразумеваются. Этот процесс, возможно, был инициирован и поддерживается

¹ Комментируя это высказывание, можно сказать, что экономика тоя довольно прозрачна — его устроители и раньше и сейчас действительно могут приблизительно подсчитать, сколько они получают от гостей: известно, сколько они в свое время отнесли тем родственникам, которые приглашены на нынешний той, и таким образом, сколько от них ожидается в деньгах или подарках; также приблизительно известно, какую сумму принесут коллеги, друзья и знакомые, т. к. минимальные размеры *кошумча* известны в сообществе.

практически повсеместным распространением *кошумча* в денежной форме. Обезличенный деньгами дар, да еще и четко регламентированного размера, теряет символическое значение, превращаясь в удобный инструмент взаиморасчетов.

Еще одна тенденция, связанная с *кошумча* — подмена дарообмена патрон-клиентскими отношениями. По словам моих московских респондентов, нередко под видом *кошумча* начальники получают от своих подчиненных дорогие подарки, крупные суммы денег; *кошумча* становится удобным способом замаскировать взятку (Ж.), в условиях тоя, когда все приносят деньги в конвертах, понять что взятка, а что нет — невозможно (Б.) (ПМА).

Чтобы понять направление эволюции традиции, надо посмотреть как она живет в разных поколениях. В отношении к *кошумча* заметна разница между молодыми и пожилыми. Даже в сельской местности (например, в Ошской области) есть сведения, что молодежь не озабочена этим вопросом, а «представители старшего поколения обязательно должны нести „кошумча“» (Пустые конверты 2022). Действительно, юноши и девушки, когда они присутствуют на тое в качестве детей приглашенных, не думают о *кошумча*. Когда же их, повзрослевших, приглашают на той как самостоятельных персон, их родители достают свои записи и сообщают им сумму *кошумча*, которую они должны принести пригласившему их родственнику (А.). Однако противники *кошумча*, в основном молодые люди, даже если они сегодня соблюдают этот обычай, в будущем собираются отказаться от него. Так, мой московский собеседник Ж. выразил твердое желание провести свадьбу своему сыну, которому пока 6 лет, без *кошумча*:

«...Если на мою свадьбу кто-то пришел, то получается, что я ему должен, поэтому я и хочу, когда для детей свадьбу буду делать, чтобы люди приходили без кошумча. Без кошумча хорошо будет. (...) я говорю своим родственникам, когда буду женить сына, <того,> кто с деньгами приходит, не буду принимать».

Аргументация противников *кошумча* показывает, что их тяготит недобровольность дара, навязывание ненужных им обязательств отдаривания. Индивидуализированное сознание восстает против, так сказать, «принуждения к социальной сплоченности». Судя по словам пользователей Инстаграм, некоторые отказываются от *кошумча* уже сегодня: «Я иду в гости туда, куда очень хочется пойти, поздравить, пообщаться! Даю, сколько считаю нужным, порой символически! Отношения хуже не стали, люди должны учиться жить по своим средствам. Это не просто, но вполне реально»; «Я думаю нужно звать (на той. — О. Н.), и если не придут, то не обижаться. И все. Или звать просто без поддержки (т. е. без *кошумча*. — О. Н.)» (АКИpress 2022).

Еще одна группа противников *кошумча*, которая может оказать влияние на будущее этого обычая — религиозные люди, «те, которые в исламе, в религии, которые намаз читают, которые живут по шариату», они считают *кошумча* лишними тратами, а «лишние траты — грешно»¹. О таких людях, своих родственниках рассказала моя собеседница А.

¹ Ж. чрезвычайно скептически относится к таким сообщениям, считая, что такие люди только на словах отказываются от *кошумча*, а на практике, как и все приносят деньги, т. к. представить, чтобы кто-то сегодня пришел на той без *кошумча* просто невозможно.

«У меня есть тетья с маминой стороны, ее младшая сестра. Они (с мужем. — О. Н.) такие — религиозные люди, учились в Египте, изучали ислам. Они не одобряют кошумча. Они считают это необязательным. Если позвали в гости, они могут просто так пойти, подарки взять, но кошумча не дают. На свадьбу пойдут, кошумча не дают. На них никто не обижается. Их уважают и, наоборот, зовут на свадьбу, хотя знают, что они не принесут кошумча. Их с радостью приглашают. Они умные, знают, что надо говорить» (ПМА).

Московский гастарбайтер Б. из Оша (что важно подчеркнуть, так как юг Кыргызстана более религиозен) одобрительно относится к усилиям таких людей. Он подерживает их аргументацию: по сути кошумча — это долг, а в долг давать неправильно, надо давать от души:

«На свадьбу идешь, приносишь, что сможешь. Чтобы не было этого возврата. (...) поздравил и ушел. Это правильно. А наши привыкли, как у старых людей — обязательно надо что-то отнести, это записывается, а когда ты будешь делать, то тебе возвращается. Это как бы неправильно. У нас в религии говорится: одна рука помогает, другая не должна знать, что это. Как садака¹. Идешь на свадьбу, помогаешь, и все — забудь про это. Это только-только начинается. Те, кто религию держат, стараются это ввести» (ПМА).

В критике кошумча и поведении на тоях этих «религиозных людей» — верующих мусульман, получивших религиозное образование, — проявляется тенденция, обособившаяся во всех постсоветских мусульманских регионах, а именно: современное образованное мусульманское «духовенство» всеми путями пытается очистить «народный» ислам от местных традиций. Борьба с непомерными тратами, бесполезными расходами — одно из важных направлений этой борьбы (Ларина 2022: 150–151).

Понятно, что «искоренить» кошумча как отдельный обычай невозможно, как бы не хотелось этого его противникам, как светским так и религиозным, а также властям, борющимся с непомерными расходами на проведение обрядов. Его ослабление будет идти одновременно с постепенным распространением индивидуалистских ценностей и норм, более узко — с редуцированием традиции тоя, который есть проявление сильных родственно-соседских связей и устойчивых коллективистских традиций. (Однако этот процесс далеко не прямолинейный — практика тоев и кошумча подпитывается современным консьюмеризмом, демонстративным потреблением, призванным создавать имидж успешности и состоятельности в своей группе.) При этом сокращение практики кошумча совсем необязательно будет означать редуцирование реципрокных сетей, так как реципрокность — это доминирующий тип отношений в «сетях домохозяйств, формирующихся на основе родственных и дружественных связей» (Барсукова 2004: 21). Вероятно, продолжают существовать дарообменные сообщества, которые не будут охватывать такое большое количество людей, ограничась близкими семьями, близкими родственниками и т. п. Эти сети будут более локальными, целенаправленными, добровольными.

¹ Милостыня.

Источники и материалы

- ПМА — интервью автора с кыргызами-мигрантами, приехавшими на заработки в Москву. Информанты: А. (1995 г. р.), кыргызка из Бишкека, сторонница *кошумча*; в течение 10 лет проживает в Москве, замужем, имеет троих детей; московская зарплата мужа обеспечивает семье средний достаток; Ж. (ок. 30 лет), кыргыз из Джалал-Абадской области, противник *кошумча*; в Москве около пяти лет, работает в системе ЖКХ, заработок отправляет семье в Кыргызстан; Б. (ок. 30 лет), кыргыз из г. Ош; в Москве около 5 лет, работает курьером; жена и трое детей живут в Москве.
- Diesel Forum 2018 — Какой кыргыз не любит той. Минкульт за разработку правил их проведения // Diesel Forum: [сайт]. URL: <https://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=292152057&page=21>. Даты публикации: 20.03.2018-25.02.2022.
- Internews 2020 — Дата-истории. «Той-экономика». Кошумча приводит к бедности? // Internews: [сайт]. URL: <https://internews.kg/glavnye-novosti/data-istorii-toj-ekonomika-koshumcha-privodit-k-bednosti/>. Дата публикации: 03.02.2020.
- АКИпресс 2016 — Запрет на пышные торжества: законопослушание или тщеславие? // АКИпресс: [сайт]. URL: <https://kg.akipress.org/news:630526?from=kgnews&place=newstopic>. Дата публикации: 08.02.2016.
- АКИпресс 2022 — Подарок или долг — что думают граждане о «кошумча» на тоях и праздниках? // АКИпресс: [сайт]. URL: <https://kg.akipress.org/news:1760697/?from=kgnews&place=newsload>. Дата публикации: 04.02.2022.
- Кудалар из Таласа 2022 — Кудалар из Таласа удивили гостей свадьбы: «Кошумча» на Иссык-Куле может поглотить всю зарплату // Turmush: [сайт]. URL: <https://www.turmush.kg/ru/news:1762557>. Дата публикации: 15.02.2022.
- Настоящее время 2021 — Не больше 100 гостей: в Кыргызстане предложили запретить пышные свадьбы и юбилеи // Настоящее время: [сайт]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/asia-kyrgyzstan-wedding/31263509.html>. Дата публикации: 20.05.2021.
- Правила проведения похорон 2022 — Правила проведения похорон: Мнения имама и жительницы села Липенка разделились // Turmush: [сайт]. URL: www.turmush.kg/ru/news:1768078. Дата публикации: 12.03.2022.
- Пустые конверты 2022 — Пустые конверты, «кошумча» долларами и корзины: Как в Ошской области жители тратят крупные суммы // Turmush: [сайт]. URL: <https://www.turmush.kg/ru/news:1765238/>. Дата публикации: 26.02.2022.
- Старейшины Чуйского района 2022 — Старейшины Чуйского района высказались по ограничениям на забой скота на похоронах // Turmush: [сайт]. URL: <https://www.turmush.kg/ru/news:1775689>. Дата публикации: 18.04.2022.
- Указ 2022 — Указ Президента Кыргызской Республики от 24 февраля 2022 года УП № 54 О мерах по упорядочению семейных торжеств и поминальных обрядов в Кыргызской Республике // Министерство юстиции Кыргызской Республики. Централизованный банк данных правовой информации: [сайт]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430864>. Дата публикации: 24.02.2022.

Научная литература

- Абашиш С. Н. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности/иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Вестник Евразии. 1999. № 1–2 (6–7). С. 87–107.
- Абашиш С. Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛЮ, 2015. 720 с.
- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.

- Андреев М. С.* Выработка железа в долине Ванча (Верховья Аму-Дарьи). Из материалов, собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей в Таджикистане летом 1925 г. Ташкент: тип. Востказгосиздата, 1926. 17 с.
- Барсукова С. Ю.* Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 52 с.
- Басилов В. Н., Кармышева Дж.Х.* Ислам у казахов (до 1917 г.). М.: ИЭА РАН, 1997. 161 с.
- Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. М.: Вост. лит., 2011. 566 с.
- Джумаев А.* Полемика о музыке, народных развлечениях (тамаша) и искусстве в среде мусульманских теологов и просветителей-интеллектуалов Средней Азии (конец XIX — начало XX века) // От религиозного реформаторства к европеизации культуры мусульман. К 155-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского / Ред.-сост. З. А. Имамутдинова. М.: ГИИ, 2016. С. 247–281.
- Загряжский Г.* Киргизские очерки. Аш или тризна по умершим // Туркестанские ведомости. 1873. № 1.
- Ларина Е. И.* Ритуалы, достоинство и уважение в центральноазиатском обществе // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 1. С. 145–165.
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с.
- Наумова О. Б.* Похищение невесты: традиция, личность, поведение (современный Кыргызстан) // Личность в калейдоскопе культур / ред. Н. Л. Жуковская. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 367–401.
- Орозбекова Ж.* Поминки в погребальном обряде у кыргызов Тянь-Шаня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. С. 194–202.
- Попова Л. Ф., Шалманова А. Б.* Традиционный компонент в системе свадебных подарков казахов Актюбинской области Республики Казахстан // Кунсткамера. 2021. № 4 (14). С. 141–152.
- Реутова М. Н., Реутов Е. В., Шавырина И. В.* Реципрокность в социальных отношениях: нерыночный обмен ресурсами в современной экономической системе // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2017. № 7. С. 202–206. https://doi.org/10.12737/article_5940f01b71aaa2.44953122
- Салинз М.* Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
- Сураганова З. К.* Обмен дарами в казахской традиционной культуре. Астана: [б. и.], 2009. 192 с.
- Сухарева О. А.* Квартальная община поднефеодельного города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Вост. лит., 1976. 366 с.
- Турсунова Г. Н.* Теоретические и прикладные виды архаического обмена (в свете воззрений классиков политэкономии и традиций, бытовавших у таджиков и других народов Центральной Азии) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 8. С. 204–210.
- Фильструп Ф. А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.
- Шадманова С. Б.* Свадебные церемонии в Туркестане на страницах периодической печати конца XIX — начала XX в. // Мир Ислама. Pax Islamica. 2009. № 2 (3). С. 146–157.
- Юдахин К. К.* (сост.). Киргизско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 973 с.
- Юдин Г. Б., Врублевская П. В., Емельянов Н. Н., Забаев И. В., Колошенко Ю. А., Орешина Д. А., Зуева А. В.* Жизнь в долг: Моральная экономика долговых практик в жизни сообществ в России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. 232 с.

References

- Abashin, S. N. 1999. Vopreki “zdravomu smyslu”? (K voprosu o “ratsional’nosti/irrational’nosti” ritual’nykh raskhodov v Srednei Azii) [Against “Common Sense”? (On the “Rationality/Irrationality” of Ritual Expenses in Central Asia)]. *Vestnik Evrazii* 1–2 (6–7): 87–107.

- Abashin, S. N. 2015. *Sovetskii kishlak. Mezhdru kolonializmom i modernizatsiei* [Soviet Kishlak. Between Colonialism and Modernization]. Moscow: NLO. 720 p.
- Abramzon, S. M. 1971. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [Kirghiz and their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties]. Leningrad: Nauka. 403 p.
- Andreev, M. S. 1926. *Vyrabotka zheleza v doline Vancha (Verkhov'ya Amu-Dar'i). Iz materialov, sobrannykh ekspeditsiei Obshchestva dlya izucheniya Tadzhikistana i Sredazkomstarisa, byvshei v Tadzhikistane letom 1925 g.* [Iron Production in the Vanch Valley (Upper Reachers of the Amu Darya). From the Materials Collected by the Expedition of the Society for the Study of Tadzhikistan and Sredazkomstaris, which was in Tadzhikistan in the Summes of 1925]. Tashkent: Vostkazgosizdat. 17 p.
- Barsukova, S. Yu. 2004. *Nerynochnye obmeny mezhdru rossiiskimi domokhoziaistvami: teoriia i praktika retsiproknosti* [Non-market Exchanges between Russian Households: Theory and Practice of Reciprocity]. Preprint WP4/2004/02. Moscow: Higher School of Economics State University. 52 p.
- Basilov, V. N. and Dzh. Kh. Karmysheva. 1997. *Islam u kazakhov (do 1917 g.)* [Islam among the Kazakhs (until 1917)]. Moscow: IEA RAS. 161 p.
- Dzhumayev, A. 2016. Polemika o muzyke, narodnykh razvlecheniyakh (tamasha) i iskusstve v srede musul'manskikh teologov i prosvetitelei-intellektualov Srednei Azii (konets XIX — nachalo XX veka) [Discussion on Music, Folk Entertainment (Tamasha) and Art among Muslim Theologians and Enlighteners-intellectuals of Central Asia (the end of the 19th — the beginning of the 20th century)]. In *Ot religioznogo reformatorstva k evropeizatsii kul'tury musul'man. K 155-letiyu so dnya rozhdeniya Ismaila Gasprinskogo* [From Religious Reformation to Europeanization of Muslim Culture. To the 155th anniversary of the birth of Ismail Gasprinsky], edited by Z. A. Imamutdinova. Moscow: GIL. 247–281.
- Fiel'strup, F. A. 2002. *Iz obriadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the Ritual Life of the Kirghiz at the beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka. 300 p.
- Grodekov, N. I. 2011. *Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoj oblasti. Yuridicheskiy byt* [Kirghiz and Karakirghiz of the Syr-Darya Region. Legal Life]. Moscow: Vostochnaya literatura. 566 p.
- Larina, E. I., 2022. Ritualy, dostoinstvo i uvazhenie v tsentral'noaziatskom obshchestve [Rituals, Dignity and Respect in Central Asian Society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* 1: 145–165.
- Mauss, M. 2011. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. Moscow: KDU. 416 p.
- Naumova, O. B. 2019. Pokhishchenie nevesty: traditsiia, lichnost', povedenie (sovremennyyi Kyrgyzstan) [Bride Kidnapping: Tradition, Personality, Behaviour (Modern Kyrgyzstan)]. In *Lichnost' v kaleidoskope kul'tur* [Personality in Kaleidoscope of Cultures], edited by N. L. Zhukovskaya. Moscow — St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 367–401.
- Orozbekova, Zh. 2012. Pominki v pogrebal'nom obriade u kyrgyzov Tian'-Shania [Commemoration in the Funeral Rite among the Kyrgyz of the Tien Shan]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Istoriya, filologiya* 11 (5): Arkheologiya i etnografiya, 194–202.
- Popova, L. F. and A. B. Shalmanova. 2021. Traditsionnyi komponent v sisteme svadebnykh podarkov kazakhov Aktiubinskoi oblasti Respubliki Kazakhstan [A Traditional Component in the System of Wedding Gifts of the Kazakhs of the Aktobe Region of the Republic of Kazakhstan]. *Kunstkamera* 4 (14): 141–152. [https://doi.org/0.31250/2618-8619-2021-4\(14\)-141-152](https://doi.org/0.31250/2618-8619-2021-4(14)-141-152)
- Reutova, M. N., E. V. Reutov and I. V. Shavyrina. 2017. Retsiproknost' v sotsial'nykh otnosheniyakh: nerynochnyi obmen resursami v sovremennoi ekonomicheskoi sisteme [Reciprocity in Social Relations: Non-market Exchange of Resources in the Modern Economic System]. *Vestnik Belgorodskogo Gosudarstvennogo Tehnologicheskogo Universiteta im. V. G. Shukhova* 7: 202–206. https://doi.org/10.12737/article_5940f01b71aaa2.44953122
- Sahlins, M. 1999. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. Moscow: OGI. 296 p.

- Shadmanova, S. B. 2009. Svadebnye tseremonii v Turkestane na stranitsakh periodicheskoi pechati kontsa XIX — nachala XX v. [Wedding ceremonies in Turkestan on the pages of the periodical press of the late 19th — early 20th centuries]. *Mir Islama. Pax Islamica* 2 (3): 146–157. <https://core.ac.uk/download/pdf/235977878.pdf>
- Suraganova, Z. K. 2009. *Obmen darami v kazakhskoi traditsionnoi kul'ture* [Gift Exchange in Kazakh Traditional Culture]. Astana. 192 p.
- Sukhareva, O. A. 1976. *Kvartal'naia obshchina podnefeodel'nogo goroda Bukhary (v sviazi s istoriei kvartalov)* [Quarter Community of the Late Feudal City of Bukhara (in Connection with the History of Quarters)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 366 p.
- Tursunova, G. N. 2014. Teoreticheskie i prikladnye vidy arkhaischeskogo obmena (v svete vozzrenii klassikov politekonomii i traditsii, bytovavshikh u tadjikov i drugikh narodov Tsentral'noi Azii) [Theoretical and Applied Types of Archaic Exchange (in the Light of the Views of the Classics of Political Economy and Traditions that Existed among the Tadjiks and Other Peoples of Central Asia)]. *Regional'nye problemy preobrazovaniia ekonomiki* 8: 204–210.
- Yudakhin, K. K. (ed.). 1965. *Kirgizsko-russkii slovar'* [Kyrgyz-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 973 p.
- Yudin, G. B., P. V. Vrublevskaia, N. N. Emel'ianov, I. V. Zabaev, Iu. A. Koloshenko, D. A. Oreshina and A. V. Zueva. 2020. *Zhizn' v dolg: Moral'naia ekonomika dolgovykh praktik v zhizni soobshchestv v Rossii* [Living in Debt: The Moral Economics of Debt Practices in the Life of Communities in Russia]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU. 232 p.
- Zagryazhskii, G. 1873. Kirgizskie ocherki. Ash ili trizna po umershim [Kyrgyz Essays. Ash or Feast for the Dead]. *Turkestanskii vedomosti* 1.